

Тема стихии и революции в лирике Блока

В. Назаров

Одной из основных тем в творчестве Блока является тема революции и стихии.

«... Современные сомнения, противоречия, шатания пьяных умов и брожение праздных сил» – так определил поэт время от 1907 до 1917 года. Это «жизнь — без начала и конца», – утверждает Блок в поэме «Возмездие».

Стихия, охватившая Блока, перехлестывала все границы, и он не мог уже оставаться в пределах своей прежней замкнутости. Стихия открывала ему множество путей, давала возможность почувствовать себя «окрай неизвестных дорог» и назвать героя своей лирики «непокорным и свободным». Ему становится понятным теперь, «как высоко небо, как широка земля, как глубоки моря и как свободна душа».

Именно такой, стихийной, земной, находящейся в непрерывном движении предстала природа в цикле Блока «Пузыри земли». Такой же стихийной и беззаконной, «кометной» явилась Блоку его новая любовь в «Снежной Маске».

«Поэзия и душа А. Блока развеялась, расплылась в вихре метели и кружится, почти без очертаний, без упругости. Она не переживает ни одного сильного чувства, как месть, гордость или обида... Душа А. Блока как бы плавает по воздушному океану неуловимых видений и смутных колебаний. И не чувствуется возможности центра, который бы собрал вокруг себя в один стальной комок эту душу...»,

– пишет Н. Руссов в статье о «Снежной Маске».

И мир городской жизни, открывшийся Блоку (цикл «Город»), был также в полном значении этого слова стихийным разноголосым миром с туманно очерченными контурами добра и зла.

Не случайно лирика как искусство представлялась Блоку в те годы видом стихии — влекущей, своевольной, хаотической, безразличной к добру и злу (статья «О лирике», 1907). Даже в более поздний период он характеризовал свою музу именно как явление неизвестных и непреодолимых стихийных сил — «Зла, добра ли?» («К Музе», 1912):

Есть в напевах твоих сокровенных
Роковая о гибели весть.
Есть проклятье заветов священных,
Поругание счастья есть.

Носителем стихийного начала представлялась Блоку и народная Россия,

Где буйно заметает вьюга
До крыши – утлое жильё...
Где все пути и все распутья
Живой клюкой измождены,
И вихрь, свистящий в голых прутьях,
Поет преданье старины...

Эту Русь он считал подобной самовластной природе, в ней он видел источник жизненной правды и обещание гармоничного будущего («Русь», 1906).

Поэзия Блока сохраняла в какой-то мере свой стихийный характер до конца. Сложная противоречивость представления о стихии наглядно представляется Блоком и в одном из его наиболее стихийных циклов — «Кармен». Героиня этого цикла — олицетворение стихийного начала. Она как комета пронесится, «не ведая орбит». Но поэт хочет увидеть в ее душе не только разрушающую страсть, но и желание найти осмысленный путь, он просит Кармен:

Пусть эта мысль предстанет строгой,
Простой и белой, как дорога,
Как дальний путь, Кармен!

И. Поздняков

Что же становится пафосом лирики Блока в дни революции? В 1905 году поэт увидел, что пробудившийся и ломающий оковы народ — это огромная и непобедимая сила, являющаяся залогом лучшей, достойной, прекрасной жизни, не знающей нужды, бесправия, угнетения. И это открытие внесло целый переворот в его душу. Революция явилась для него тем истинным откровением, которое он тщетно искал в библейских преданиях и мифах, в сочинениях мистиков. Революция наглядно и неопровержимо свидетельствовала о том, что перед человечеством не «конец мировой истории», а ее начало, великое будущее. И зов этот будущего, тяга к нему — вот что становится отныне пафосом лирики Блока.

Поэт, доселе ничего не видевший, кроме торжества и наглости «сильных», страданий и унижений «слабых», обреченных в жертву хищникам и беспомощных перед ними, узнал нечто совершенно другое, опрокинувшее его прежние представления о народе, о простом человеке. Этот человек оказался совсем не таким слабым, беспомощным, бессильным, как полагал поэт. Он заставил почувствовать своих угнетателей и поработителей, что их век — недолог. Он вышел на прямой и открытый бой с ними, не щадя своей крови и самой жизни. И отныне Блока, увлеченного и захваченного этим подвигом, требовавшим подлинного героизма, никогда не покидала вера в простого человека, в его неизмеримые силы.

«Я и написать не могу всего, но то, чего я не могу высказать ясно, вертится близ одного: хочу действительности, чувствую, что близится опять *огонь*, что жизнь не ждет... хочу много ненавидеть, хочу быть жестче...»

Революция вывела поэта из тупика, в котором он оказался, раскрыла перед ним огромные просторы, неведомые дотоле возможности и цели. Это и определило новые стимулы внутреннего развития Блока, а стало быть, и новый этап в его творчестве.

Болезненно остро пережил он октябрьскую грозу 1905 года... Поэзии становилось тесно в рамках «Красоты», провозглашенной лишь несколько лет перед тем всеочищающим пламенем. Каким радужным вихрем и «нечаянной радостью» отозвался в душе юного Блока российский мечтательный мятеж начала века! Но в хаосе подслушанных мыслей была скорбная и радостно-настороженная, его, блоковская, мечта о Прекрасной Даме — России.

Напрасный жар! Напрасные скитанья!
Мечтали мы, мечтанья разлюбя.
Так — суждена безрадостность мечтанья
Забывшему Тебя.

Рыцарем ее он становился неизменно, хоть и менял не раз точку зрения на ее судьбы:

Ты и во сне необычайна.
Твоей одежды не коснусь.

– писал он в стихотворении «Русь».

Но с годами, по мере сгущения туч на политическом горизонте, все углубленней становилась его прозревающая тоска. В поэзии-исповеди Блока звучали не одни лирические слезы, а глубокий надрыв веры и неверия, растроганного всепрощения и недобрых предчувствий. Это сказывалось и в его личной жизни: в нелюдимом одиночестве и в общении с немногими друзьями, и в отношении к женщинам, которых было много на его пути:

Их было много... Что я знаю?
Вспоминанья, тени сна...

Обозначилась смысловая «раздвоенность» многих его стихотворений: с одной стороны, романтическая меланхолия, а с другой — болезненно-острое переживание пред-революционной действительности... Блок был в стороне от узкополитической борьбы, но был захвачен ею и выхода искал в фантазии, которую ощущал как откровение свыше. А всяческие сомнения топил в вине.

Неудавшаяся революция 1905 года, вся эта проза давила его, как тяжелое наваждение. Пессимизм Блока отразился в стихотворении «Седое утро». Это отзвук на историческую минуту. Россия, желанная, ускользала куда-то обманчивой «незнакомкой», жертвенная кровь оказывалась на проверку «клюквенным соком», святая земля — жалким балаганчиком:

«Прощай, возьми еще колечко.
Оденешь рученьку свою
И смуглое свое сердечко
В серебряную чешую...
Лети, как пролетала, тая,
Ночь огневая, ночь былая...
Ты, время, память притуши,
А путь снежком запороши».

С. Маковский вспоминал, что однажды, увидев Блока на одной из репетиций в театре Комиссаржевской, где Мейерхольд проделывал свою «революцию», он поразился усталостью лица поэта. «За два-три года жизни и славы — какая перемена, как непохож он стал на того весеннего Блока в луче майского солнца! Все антракты он просидел неподвижно, слегка откинув назад голову; отменно вежливо, как всегда, отвечал на приветствия, но словно через силу, и когда шумный, демонстративно машущий руками Мейерхольд подступил к нему яростно, объясняя что-то в постановке, жаль было на него смотреть...

Блок совсем отходит от «Величавой Вечной Жены» к роковой «Незнакомке», к сложным символам жестокосердной Фаины и, мечтая об эпическом реализме («Возмездие»), под конец с головой окунается в революцию, чтобы снова разувериться и... погибнуть»

Л. Петрова

Тема предчувствия революции, глобальных перемен по-особому звучала в ранней лирике поэта. Возникает образ-символ ночи, точнее, ее видение, которое в предреволюционной лирике Блока разрастается до гигантских размеров:

Вёсны и зимы меняли убранство.
Месяц по небу катился – зловещий фонарь.
Вы, люди, рождались с желаньем скорей умереть,
Страхом ночным обессилены.

(«Весны и зимы меняли убранство...», 1906)

Предчувствие революции охватывает в сознании поэта все мироустройство, которое в какие-то моменты представляется в блоковской поэзии диким, сумасшедше-бессмысленным, призрачным и назойливым.

О, Дева, иду за тобой –
И страшно ль идти за тобой
Влюбленному в душу свою,
Влюбленному в тело свое?

(«Деве-Революции», 1906)

Об этом же он пишет в стихотворении «Миры летят. Года летят. Пустая...» (1912). «Тень Люциферова крыла» (из «Возмездия») падает на Россию, и Россия в этот момент

воспринимается поэтом как «сонное марево», где все беспутно, даже то, что прикидывается дорогами и верстами, где «царь, да Сибирь, да Ермак, да тюрьма» («Русь моя, жизнь моя...», 1910). Будущее кажется тогда беспросветным и безысходным торжеством зла («Голос из хора», 1914).

Личная судьба человека в потерянном мире так же разрушена, как и время, ее породившее. Печально трезвы слова Блока:

«А на улице — ветер, проститутки мерзнут, люди голодают, людей вешают, а в стране — реакция, а в России — жить трудно, холодно, мерзко».

Человек перестает быть героем:

Вот меч. Он — был. Но он — не нужен.
Кто обессилил руку мне?

Человеку перед лицом вежливого, цивилизованного и страшного рока («гостя») остается смириться («Осенний вечер был...», 1912). Он теряет веру в существование «рая» («Сквозь серый дым от края и до края...», 1912). Он идет один, «утратив правый путь». Он идет ночью, «тропой глухой... к прикрытой снегом бездне» и не видит «ни огня, ни звезды, ни пути». Лирическому герою остается до могилы «тащиться без важного дела», поэтому он порою перестает различать даже, «что́ под жизнью беспутной и путной разумели людские умы». В конце концов он «отыскивает вяло путь» к блаженной двери небытия и предчувствует смерть «души своей печальной».

«Так человек, весь окровавленный, избитый, израненный, идет к своему возрождению»,
– делал вывод Блок в 1907 году.